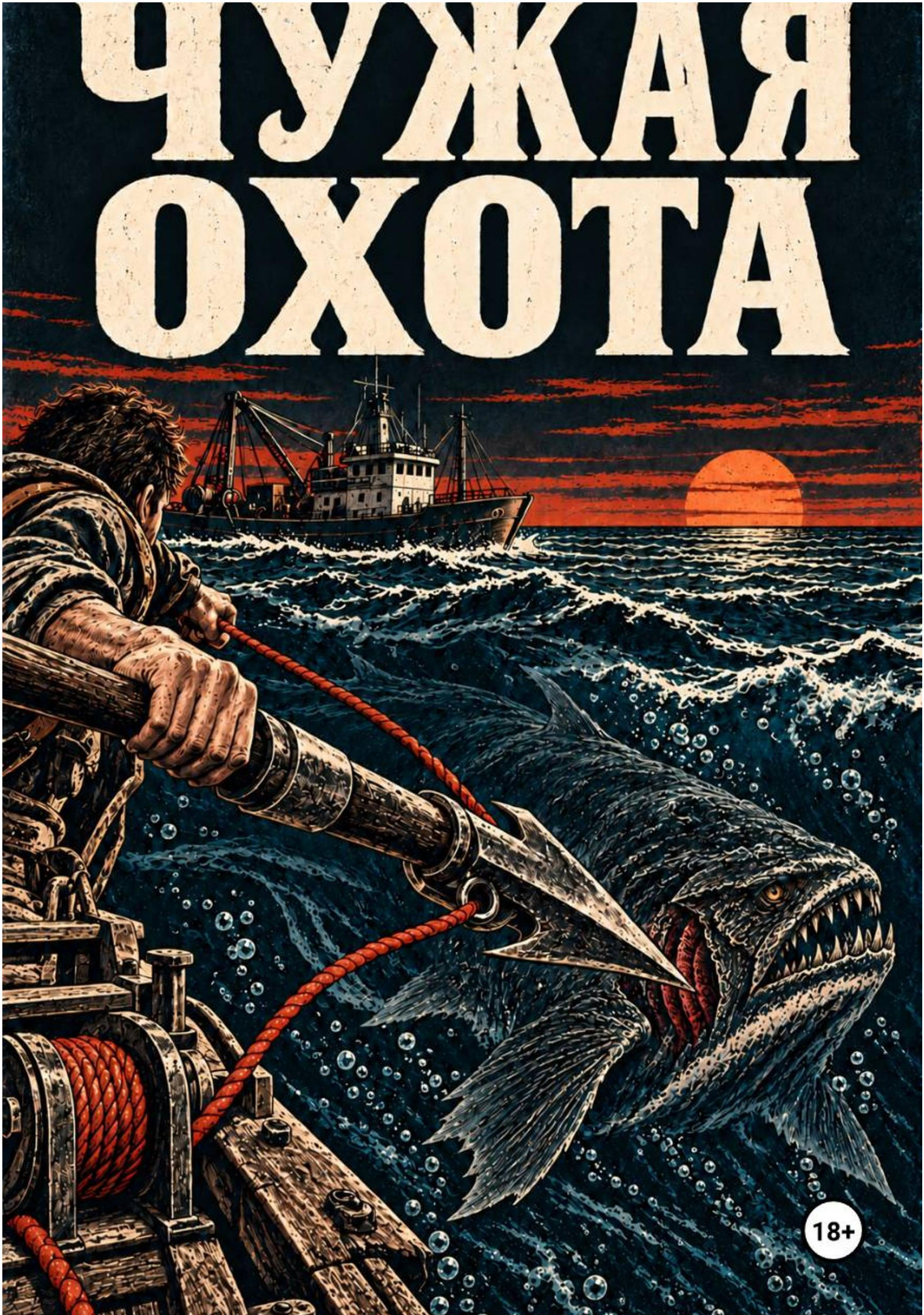
ЧУЖАЯ ОХОТА

18+

Илья Мелещенков

Чужая охота

«Автор»
2026

Мелещенков И.

Чужая охота / И. Мелещенков — «Автор», 2026

«Мы этот гарпун вдвоём еле на палубу втащили. А он поднял его одной рукой, шагнул к борту и метнул. Только линь по доскам хлестнул».Сто лет назад ледяная комета разбилась о Луну. Её обломки упали на Землю, океан затопил большую часть суши, а принесённое из космоса вещество породило морских чудовищ. Оно изменило и некоторых людей, наделив их нечеловеческой силой. Среди них появились охотники, способные защищать плавучие города от тварей размером с корабль. Их назвали гарпунщиками.Вадим Рудин — один из них. Он готовится стать наставником, когда получает заказ: найти захваченный промысловик, освободить пятнадцать пленников и доставить живой свою бывшую напарницу Нику Берестову.Вторая книга цикла, начатого романом «Пока держит вода».

© Мелещенков И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая 5
Глава 1. На расстоянии руки 5
Глава 2. Заказ на живую 10
Глава 3. Человек за столом 14
Глава 4. Ломаная коса 20
Глава 5. Чужой расчёт 25
Глава 6. Короткий конец 29
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Илья Мелещенков
Чужая охота

Часть первая
След

Глава 1. На расстоянии руки

Слесарь вцепился в борт и перестал помогать.

Роберт уже поднял его почти до пояса. Оставалось перевалить человека через корму, но тот упёрся руками, запрокинул голову и смотрел мимо него в воду.

Вадим стоял на рабочей площадке у внешнего борта города. Справа, в двух шагах от настила, Ася удерживала «Отлив» кормой к ним. Слева от катера шла серая спина. Она появилась совсем рядом, без всплеска; за ней протянулся ряд коротких шипов, а потом вода сомкнулась, оставив только широкий след, направленный к ногам слесаря.

— Руки отпусти, — сказал Роберт. — Я держу. Отпусти!

Вадим бросил гарпун.

Он целился ниже первого шипа, туда, где гладкая кожа собиралась у плавника. Наконечник вошёл, древко отскочило и заплясало на поверхности. Линь ударил по мокрым доскам. Вадим поймал его двумя руками и потянул, разворачивая голову зверя от катера.

Серая морда вышла боком. Шипник оказался длиннее, чем казался сверху: передний плавник прошёл под настилом, а хвост ещё резал воду за кормой «Отлива». Маленький глаз смотрел вдоль борта. Ни на Роберта, ни на Вадима он не повернулся.

На катере слесарь закричал. Ноги у него ушли под воду до колен.

Вадим шагнул к тяжёлой тумбе у края площадки и завёл за неё линь. Намокшая верёвка скользнула по железу. Он упёрся ступнёй в основание, выбрал слабину и потянул ещё. Шипник развернулся так резко, что его хвост выбросило наружу; вода хлестнула по сапогам.

— Роберт!

— Вижу!

Линовый перестал тянуть вверх. Прижал слесарю один локоть, заставляя его разжать пальцы, и завалился назад. Второй рукой человек всё ещё держался за борт. Ася оглянулась, но с места не ушла: катер подталкивало к площадке. Она коротко дала ход и снова вернула рукоять.

Вадим успел подумать, что теперь вытащат.

Линь вдруг пошёл вниз.

Серая спина исчезла. Сквозь щели между досками стало видно мутное движение; зверь нырнул под площадку, обходя Вадима снизу. Слева осталась одна дрожащая верёвка. Справа, у голых икр слесаря, вода поднялась пузырящимся бугром.

— Ася, вперёд!

Нос «Отлива» качнулся от города. Корма отошла от площадки, увозя Роберта и человека. Вадим упёрся обеими ногами в основание тумбы и потянул линь через неё. Верёвка дрожала, уходя под левый край настила. Он выбрал ещё полметра, не давая зверю уйти дальше под площадку.

Под подошвами глухо ударило.

Слесарь наконец выпустил борт. Роберт упал на палубу вместе с ним. Вадим увидел босую ступню и сапог на второй ноге, проскользнувшие над водой, и сразу потерял их за кормой.

Шипник вышел у левого угла площадки. Из раны под плавником тянулось тёмное. Он раскрыл пасть, и Вадим увидел внутри второй ряд зубов — мелких, наклонённых к глотке. Голова качнулась к настилу. Зверь пытался зайти под него снова.

Вадим выбрал линь быстрыми перехватами. Ещё шаг, ещё. Теперь верёвка шла почти вдоль досок; он закрепил её на тумбе и взял короткий гарпун, лежавший возле сумки.

— Не сюда, — сказал он рабочему на лестнице.

Тот уже спускался к нему с длинным багром. Остановился, прижимая древко к груди.

Вадим подтянул линь. Голова шипника и основание плавника легли на край площадки. Всё остальное тело осталось в воде. Хвост бил внизу, поднимая настил толчками; железо у ног Вадима отзывалось тонким звоном.

Он встал боком, чтобы не попасть под плавник, и ударил снизу, под основание головы.

Древко вошло тяжело, с задержкой. Зверь рванулся, развернув его в руках. Вадим перехватил гарпун ближе к наконечнику и навалился второй раз. Серый плавник скользнул по доскам у его колена. На секунду стало видно, какой он широкий: от края настила почти до тумбы.

Хвост ещё несколько раз ударил по воде. Вадим стоял, удерживая древко. Сквозь шум собственного дыхания услышал двигатель «Отлива», потом голос Аси:

— Оба на борту!

Он не ответил сразу. Дождался, пока плавник обмякнет и сползёт с настила, после чего осторожно выпрямился. Вода под зверем ещё ходила, но уже вместе со всей водой, без отдельного усилия.

Рабочий на лестнице всё так же держал багор.

— Подъёмную зови, — сказал Вадим. — И здесь закройте. Пока тушу не уберут.

— Яков живой?

Вадим посмотрел на «Отлив». Роберт поднял руку.

— Живой.

Рабочий выдохнул и полез наверх, загремев багром по ступеням.

Вадим закрепил тушу второй верёвкой. Целиком она сюда не поместилась бы; из-под воды выступали голова и несколько шипов, с которых стекало на доски. Он выдернул короткий гарпун, смыл с рук тёмную слизь и поднял взгляд на лестницу. Там уже двое разворачивали поперёк прохода красную цепочку.

Через час рабочая площадка снова станет обычным местом. Вадим знал, как это бывает. Он сам уже думал, где снять мокрую рубаху.

Но к краю ещё раз подошёл осторожно. Дальше туши вода была зелёной, пустой на вид. Ни дна, ни тени городского корпуса не различить.

* * *

Яков сидел на полу катера, поджав ноги. Один сапог остался в воде; второй Роберт разрезал, потому что голенище не сходило. На раненую ногу слесарь не смотрел. Всё тёр большим пальцем ноготь на другой руке, будто хотел удалить невидимую грязь.

— Я сам работаю на этом борту, — сказал он, когда Вадим спустился к нему. — Третий год. Доску вчера поменяли.

— Кто менял?

— Наши. Нормально меняли. Я на край наступил. Провалился и за железо ногой зацепился.

Вадим сел на корточки и передал Роберту укладку из-под скамьи. Тот развернул чистую салфетку, посмотрел на ногу Якова и позвал Асю.

— К медпосту. Сам дойдёт, наверное, но пусть смотрят.

— Уже идём.

За кормой остались площадка, цепочка и серый плавник. «Отлив» вошёл между двумя высокими корпусами. Волнение сразу стало тише. Здесь пахло жареным луком из открытого люка и свежей краской; наверху человек в белой майке перекатывал тележку через мостик. Колёса загрохотали над их головами.

Яков дёрнулся.

— Это сверху, — сказал Роберт.

— Знаю.

Некоторое время они молчали. Из-под повязки на голени проступило маленькое красное пятно.

— Кого найти? — спросил Вадим.

— Дочь не надо. Она сейчас на смене.

— Кого тогда?

Яков потёр ноготь ещё раз, потом убрал руки под мышки.

— Мастеру скажите. Он скажет ей, когда отпустят.

— Имя мастера?

— Она знает, что я здесь работаю.

— Яков, мне имя нужно.

Тот поднял голову и назвал. Вадим повторил, чтобы запомнить. Дальше расспрашивать не стал.

У медпоста слесарь поднялся, опираясь на Роберта, попробовал поставить повреждённую ногу и тихо выругался. Их ждали: Ася успела вызвать дежурных по радио. Вадим передал укладку, рассказал про воду и сапог. Женщина с коротко остриженными волосами велела Якову сесть в кресло на колёсах. Он сначала отказался, но, когда Роберт убрал плечо, всё-таки сел.

— Багор, — сказал Яков вдруг. — Там мой багор остался.

— Найдут, — ответил Вадим.

— Скажи им. Рукоять светлая. Мой.

Вадим кивнул. Яков держался за подлокотники так же крепко, как недавно за борт.

* * *

На своей стоянке Вадим снял рубаху и долго полоскал её над ведром. Соль ещё не успела высохнуть. Зато под левым рукавом расползлось тёмное пятно, и вода после первого полоскания стала густой, как плохой чай.

На плече, над старым рубцом, располагались четыре звезды. Три чёрные, одна красная. Чёрную набивали за сотню опасных морских тварей, красную — за левиафана. Шипник с сегодняшней площадки был далеко не первым после последней чёрной; до следующей Вадим не считал каждый выход. Роберт записывал. Он относился к этим записям серьёзнее самого гарпунщика.

Ася вышла из рубки с двумя яблоками. Одно положила на скамью рядом с его сухими вещами.

— Подъёмные приняли тушу. Мастеру передали.

— Про багор тоже?

— Про светлую рукоять тоже.

Он отжал рубаху. Ася стояла рядом, опираясь бедром о борт, и ела яблоко, поворачивая его так, чтобы не задеть мягкое пятно. Она всегда сначала съедала хорошее, а потом с недовольным видом рассматривала оставшееся. Вадим знал это уже два года.

— Отрежь, — сказал он.

— Нож мокрый.

Он вытер нож о сухое полотенце и протянул ей рукоятью вперёд. Ася отрезала мятое, остаток яблока доела сразу и вернула нож.

— Спасибо. Теперь про завтра.

— Сначала поесть, — отозвался Роберт из рубки.

— Я спросить.

— Ты после «спросить» ещё полчаса сидишь с бумагами.

Ася открыла рот, чтобы возразить, но Роберт уже вышел, перекинув через плечо чистую куртку. Посмотрел на обоих и указал подбородком на трап.

— Пойдёмте. Пока люди обедают.

Вадим надел сухую рубаху, взял яблоко и пошёл следом.

В Трёх Килях можно было пройти полгорода, не увидев открытой воды. Между тремя большими кораблями тянулись перекрытые дворы, настилы, мостики с поручнями, сплошные ряды мастерских. Крупные корпуса стояли на своих местах так давно, что многие дети считали их названия именами улиц. Трубы здесь срезали, там надстроили этаж, бывший грузовой трюм заняли лавки; у дальнего борта за полупрозрачными крышами зеленели огороды.

Стоило свернуть не туда — и улица обрывалась над океаном.

Столетие назад ледяная комета ударила в Луну. Обломки кометы упали на Землю, и вода заняла большую часть суши. Вадим видел старые изображения берегов: длинные полосы домов, деревья за домами, дороги, уходящие куда-то без мостков и поручней. Из всех прежних вещей именно это казалось ему неправдоподобным — сколько места люди могли оставить пустым.

Вещество, пришедшее с обломками, меняло морскую жизнь. Меняло и людей, только гораздо реже. Вадим нёс свою долю той катастрофы в мышцах и костях. Яков утром рассчитывал на эту разницу между ними, когда согласился выйти на наружный настил.

На повороте женщина с корзиной попросила Вадима подвинуть прилавок. Он подхватил его за край, переставил вместе с ящиками и пошёл дальше, догоняя Асю.

— Ты ей теперь всё время будешь двигать, — сказала она.

— Зато проход шире.

— Завтра она ещё ящик поставит.

— Тогда буду другим проходом ходить.

Ася рассмеялась. Роберт, шедший впереди, даже не обернулся.

В столовой у окна было свободно. Роберт выбрал стол, с которого видел раздачу, и пошёл за едой. Женщина в синем переднике сказала ему что-то; он задержался, ответил, и она отставила половник, слушая дальше.

Ася посмотрела им вслед.

— Опять забудет хлеб.

— Сходим.

— Вот поэтому и забудет.

Она подвинула скамью, села рядом с Вадимом, оставив место для подноса. В тесной столовой ему привычно приходилось убирать локти. Ася коснулась его плечом, устраиваясь, и не отодвинулась сразу. Он повернулся к ней, но она уже смотрела на раздачу.

— Караул подтвердил первое число?

— Подтвердил.

— Значит, почти месяц.

Вадим кивнул. Через месяц у него будет постоянная смена и люди, которых не придётся учить заново на каждом чужом борту. Он снял комнату поближе к учебной палубе, перенёс туда вещи, даже приделал полку. Вчера впервые оставил на ней книгу раскрытой — прежде убирал в сумку, как будто утром опять нужно уходить.

— На дальнее сопровождение с вами не пойду, — сказал он. — Оно на пять недель. У вас будет время найти человека.

— Время есть. Я жду определённого ответа.

— Нет, Ася. Не пойду.

Она кивнула и потянулась к Робертову месту за перечницей.

Вадиму хотелось добавить что-нибудь. Что он вовсе не устал от них, например. Но это прозвучало бы хуже молчания.

Роберт поставил поднос. Хлеб он принёс.

— И четвёртого ищем, — сказал он. — На дальнее втроём не пойду.

— Я уже внесла в расчёт, — ответила Ася.

— Сегодня ты за рулём, я на корме. Если бы Яков встал и пошёл к борту, мне его держать или ногу перевязывать?

— Ты прав.

— Я не про правоту.

Ася отложила ложку.

— Четверо. Иначе заказ не берём. Так?

Роберт посмотрел на неё, потом взял хлеб.

— Так.

Некоторое время ели. Внизу под полом ровно гудел насос; всякий раз, когда он переключался, ложки в жестяном стакане тихо звенели.

— У тебя ведь будут выходные? — спросила Ася.

Вадим не сразу понял, что вопрос к нему.

— В карауле? Будут.

— Тогда сходим куда-нибудь. Без катера.

Роберт продолжал есть, глядя в тарелку.

— Можно и до первого числа, — сказал Вадим.

Ася повернулась к нему. В её взгляде появилась та небольшая задержка, которую он прежде замечал и всякий раз оставлял без ответа.

— Можно, — сказала она.

Он хотел предложить вечер, но у их стола остановился мужчина с мокрыми краями брюк. Вадим узнал Игната Воронцова из судовладельческого товарищества. Тот окинул взглядом тарелки.

— Доешьте. Мне нужно поговорить.

— О чём?

Игнат поставил на свободный стул плоскую сумку.

— О «Керне». И о Нике Берестовой.

Вадим положил ложку.

— Она вернулась?

— Нет, — сказал Игнат. — Я хочу, чтобы вы её привезли.

Глава 2. Заказ на живую

До конторы Игнат шёл быстро. На узком переходе им пришлось пропустить тележку с бельём, и он несколько раз посмотрел назад, словно Вадим мог передумать на этих двадцати шагах.

— Говори здесь, — сказал Вадим.

— Не здесь.

Игнат дождался, пока женщина протащит тележку мимо, и пошёл дальше.

В конторе было открыто окно. Между шкафом и столом стоял ящик с новыми клапанами; на крышке лежала расчётная ведомость, прижатая чашкой. Игнат убрал чашку, подвинул ящик ногой и освободил для Вадима стул.

— Трое суток назад на нашей дальней ремонтной стоянке взяли «Керн». На нём было восемнадцать работников. Троих высадили на следующий день, с письмом. Сегодня под утро их привезли сюда. Пятнадцать остались там.

Он положил перед Вадимом сложенный лист.

Почерк был Никин. Большие буквы, тесные последние слова — она всегда начинала строку свободно и не рассчитывала место до края.

Вадим прочёл письмо один раз, потом вернулся к середине.

Берестова требовала перечислить семьям погибших с «Грани» все обещанные выплаты. После подтверждения расчёта экипаж и корабль будут возвращены. Внизу отдельной строкой запрещалось посылать вооружённые суда: она обещала расценить это как отказ от переговоров.

— «Грань» утонула два месяца назад, — сказал Вадим.

— Я помню.

— Вы не рассчитались?

— Частично. Не со всеми. На полный расчёт надо вскрыть ремонтный резерв и продать долю в следующем промысле.

Вадим поднял на него глаза.

— Долю продать можно.

— Можно. Я предлагаю. Она требует деньги сейчас. Покупатель сейчас даст меньше половины цены. И два наших борта после этого встанут на весь сезон.

Игнат сел напротив. Он говорил без привычного нажима, с которым добивался подписи под накладной, и от этого Вадиму было труднее решить, где тот начинает приукрашивать.

— Семьям от вашего сезона легче?

— Не легче. Я им обещал, они ждали. Теперь мне не верят. У тебя есть другой вопрос?

Вадим снова посмотрел на письмо. В нём не было слов «заложники» и «выкуп». Ника писала о работниках, которых удержит до исполнения обязательств.

— Кто ещё с ней?

— Демьян Кравец. Ты его знаешь?

— По имени.

— Ходил шкипером на наёмных судах. Работал и у нас. Ещё четверо, насколько смогли установить. Один из них возит людей и груз. Имена есть не все.

— Охрана?

Игнат потянул к себе другой лист.

— Дневная смена ушла. На причале оставался Фёдор Лапин. Он погиб.

Вадим подождал.

— Берестова его убила, — сказал Игнат.

Из окна тянуло тёплым воздухом. На соседнем корпусе отбивали молотками краску; после каждого удара мелкая дрожь проходила по раме.

— Кто это видел?

— Мирон Костин. Он среди вернувшихся. Сейчас в медпосту: врач сказал дать ему поспать, но он всё равно не спит. Остальные слышали выстрел, самого удара не видели. Поговори с Мироном.

Вадим вспомнил Мирона — не лицо целиком, а руки на борту, когда они вместе снимали сеть с рулевого винта. Это было прошлой весной. После работы Мирон спорил с механиком о чужом ключе и так и не пошёл с ними есть.

— Лапин был вооружён?

— Был.

— Стрелял?

— Спроси Мирона.

— Мне нужно понять, что ты от меня хочешь.

— Вернуть людей. И найти корабль. Нику караул требует доставить живой. Я пришёл к тебе, потому что ты можешь это сделать без стрельбы во всё, что стоит рядом с ней.

— Я с ней работал.

— Знаю.

— Много работал, Игнат.

— Поэтому и пришёл. Или мне надо было выбрать того, кто впервые услышит её имя на месте?

Вадим откинулся на спинку стула. Ника могла держать под мышкой чужой разорванный гидрокостюм и ругаться, пока человек орал от боли. Могла всю ночь просидеть у насосов, не отходя даже поесть. Один раз она вернулась за Вадимом через воду, в которую он сам не сразу решился бы войти.

Он попытался совместить это с лежавшим перед ним письмом. Письмо никуда не исчезало.

— Она знает, что ты меня ищешь?

— Пока нет. Но это город. Узнает.

— Ты уже предлагаешь ей часть денег?

— Сегодня отправим подтверждённый расчёт. Часть сразу, остаток после продажи доли, с отдельным счётом семей. Пусть её люди проверяют. Поиск из-за этого не остановим.

— Она может согласиться.

— Тогда не придётся освобождать экипаж силой. Я буду рад. Фёдор от этого не вернётся.

Игнат назвал дневную плату. За две недели выходило больше, чем Вадим получил за последние четыре обычных сопровождения. Отдельно оплачивались судно, топливо и команда. Вадим не пытался сложить всё в уме: сумма была хорошей без подсчёта.

Можно было войти в первый месяц на постоянном месте, не занимая на жизнь до жалованья. Оставалось время. И он знал Нику — как она выбирает берег для высадки, где ставит лодку, как меняет сторону перед броском.

— Оплата за дни поиска, — сказал Вадим. — Не за голову.

— За дни. И премия за возвращение работников.

— А если сможем вывести только людей? Я не хочу потом слушать, что моя работа была вернуть тебе корпус.

Игнат помолчал.

— Ты ещё не видел корпус.

— Поэтому и спрашиваю сейчас.

Игнат взял карандаш, поправил нижнюю строку договора и передвинул лист.

Возвращение экипажа ставилось первым. Сохранение судна — при возможности. Решение об отходе принимал капитан нанятого борта.

Вадим прочёл поправку дважды.

— Это покажешь Асе.

— «Отлив»?

— Если они согласятся.

Игнат начал было отвечать, но остановился. Достал из сумки ещё один лист, с фамилиями.

— Тут все восемнадцать. Трое отмечены. Один из оставшихся ранен. О нём у Мирона спроси.

Вадим забрал список и письмо. Договор оставил на столе.

— После разговора отвечу.

— Сколько тебя ждать?

— До вечера.

Игнат кивнул.

Уже у двери Вадим обернулся:

— Почему троих отпустили?

— Для письма хватило бы одного. Не знаю. Спроси.

* * *

На учебной палубе перед караульным постом тянули мокрый мешок. Двое курсантов сбились с шага и уронили его на середине настила. Третий, стоявший у края, покосился на Вадима.

— Ещё раз, — сказал им старший смены.

Вадим задержался. Мешок был обычный, набитый обрезками каната; ученики держали его так, словно внутри лежал человек, и всё равно у одного не хватало рук перехватить лямку.

— Не помогай, — сказал старший Вадиму. — Они сами должны разобраться, куда третьего поставить.

— Я стою.

— Вижу.

Когда мешок подняли, старший подошёл к нему. Пахнуло табаком, которым отдавало от его одежды даже утром.

— Воронцов нашёл?

Вадим показал лист.

— Я пока не согласился. Что вы делаете?

— «Рубеж» разворачиваем на внешние стоянки. Ещё один катер идёт к южному промыслу. Приметы разослали. Последнее подтверждённое место — где высадили троих. Дальше только рассказы: похожий борт, звук мотора. Проверяем.

Он отпер дверь и пропустил Вадима в дежурную. За столом женщина разбирала пачку радиограмм. Одну отложила к карте, другую вернула связисту.

— Эту сначала подтвердите. Вчера там рыбаки стояли, у них такая же рубка.

Вадим дождался, когда она закончит, и положил на стол письмо Ники.

— Его люди Нику получать не будут. Правильно понимаю?

— Правильно. К нам или на городской патруль. Воронцов тебе платит за выход, не решает, кого судить.

— А если она начнёт договариваться?

— Передашь условия. Обещать от нашего имени ничего не можешь.

Женщина достала карточку с позывными и временем сеансов. Вадим просмотрел её. Два поста на внешней линии он знал, на третьем никогда не бывал.

— Почему не отправить с «Рубежом» ещё одного гарпунщика?

— Ещё одного где? — спросил старший.

Вадим не ответил.

— Смену с водозаборов снять? Или с пришедших судов? На «Рубеже» боец есть. Если выйдете, разведём направления и будем сообщать друг другу.

Из коридора донеслись голоса. Двое конвойных провели человека с перевязанным запястьем; тот сердито попросил не держать его за локоть. За ними хлопнула тяжёлая дверь. В её проёме Вадим успел увидеть знакомую раму, вваренную глубоко в переборку. Для тех, кто способен вырвать обычную решётку вместе с креплениями. Рядом висела связка ключей от наружных фиксаторов — её снял и унёс конвойный.

Вадим убрал карточку.

— На «Отливе» тяжёлое крепление есть. Цепи проверим, если пойдём.

— И способ быстро снять, если пожар или вода, — сказала дежурная. — Ей у тебя нельзя ни уйти, ни утонуть привязанной.

— Понимаю.

— Найдёшь борт — сразу передай место и курс. Не начинай один освобождать пятнадцать человек.

На улице курсантам наконец удалось поднять мешок. Третий стоял иначе, и первый больше не выгибался, пытаясь сделать за всех.

Старший задержал Вадима у двери.

— На первое число успеешь?

— Я ещё не вышел.

— Потому и спрашиваю сейчас. Вводные занятия без тебя проведём, но начало своей смены не сдвигай молча. Будет задержка — сообщи.

— Сообщу.

Он пошёл к медпосту. На переходе достал список работников, расправил по сгибу. Три фамилии были отмечены карандашом. Остальные пятнадцать Игнат оставил без отметок.

* * *

Мирон ждал в комнате при медпосте, за маленьким столом. Вокруг стояли свободные стулья, но сумку он держал на коленях. Рядом на блюдце лежал нетронутый ломоть хлеба.

Он поднял голову, когда Вадим вошёл.

— Рудин?

— Здравствуй.

Мирон посмотрел на бумаги в его руке.

— Ты за ней пойдёшь?

— Сначала хочу с тобой поговорить.

Мирон отодвинул ногой соседний стул.

— Только запиши, как я скажу. Мне потом опять поправлять сил уже нет.

Глава 3. Человек за столом

— Откуда начнёшь? — спросил Вадим.

Мирон посмотрел на чистый лист.

— Сначала хотел с самого начала. В прошлый раз меня до утра не отпустили.

— Мне нужен захват. И что было после.

— А потом ты спросишь, кто приходил до захвата.

Вадим положил карандаш.

— Хорошо. Рассказывай.

Мирон снял сумку с коленей, но не поставил на пол: придвинул пустой стул и положил её туда. Проверил застёжку. После этого начал.

Он был кладовщиком «Керна». На дальней стоянке они принимали последний груз перед выходом, а судовая смена ещё находилась на береговом настиле. Демьяна Кравца знали, видели раньше; когда он пришёл с людьми, Фёдор Лапин не стал закрывать проход. Берестову тоже знали. Она прикрывала один из прежних рейсов, и несколько работников вышли с ней поздороваться.

— Я даже обрадовался, — сказал Мирон. — Думал, с нами пойдёт. Она в воде хорошая.

Вадим кивнул.

— Где ты стоял?

— У двери. Вот тут.

Он придвинул лист и провёл пальцем по краю. Вадим дал ему карандаш. Мирон начертил прямоугольник, приставил к нему второй, поменьше.

— Это дверь на настил. Тут Фёдор. Я хотел последние ящики пересчитать, а они меня назад в проход. Сказали, пока никто не выходит. Демьян уже вверх пошёл, к рулевой.

— Сколько их было внизу?

— Вместе с ней — трое. Ещё двое прошли с другой стороны, потом видел. Один с ружьём у дверей остался.

Фёдор потянулся за пистолетом, когда понял, что происходит. Ника перехватила его руку. Мирон не разглядел самого движения: только увидел оружие у неё, а сторож сидел на досках возле стойки.

— Она отдала пистолет одному из своих. Фёдор поднялся. Всё это быстро было. Тут Семён побежал к трапу, и тот, с ружьём, выстрелил.

Мирон остановился. За окном послышались шаги, чей-то смех. Он посмотрел туда, дождался, пока пройдут.

— В Семёна попал?

— В бок. Он не сразу упал. Успел за поручень взяться.

— А Фёдор?

— Сказал ей: «Дай убрать его отсюда». Она велела стоять. Он опять сказал. Только погромче. И руки поднял, вот так.

Мирон показал обе ладони возле головы. На запястье темнела широкая полоса от слишком тугой стяжки.

— Она его ударила. Сбоку. Он стукнулся о стойку и упал. У меня под ногами почти.

— Ты видел, чем ударила?

— Кулаком.

— Он не пытался пройти мимо неё?

— Нет.

Вадим посмотрел на прямоугольники. Дверь, стойка, человек возле неё. Если Фёдор встал, расстояние между ними должно было быть меньше шага.

— Может, снова к оружию потянулся?

Мирон опустил руки.

— Я кому сейчас показывал?

Вадим молчал.

— Пистолет у её человека. Фёдор вот так стоит. Я вижу. Она ему в голову. Что тут ещё надо?

— Лариса к нему подходила?

— Подходила. Его сначала прямо там оставили, нас загнали на корабль. Она потребовала выпустить её. Потом вернулась и сказала, что он мёртвый.

Вадим взял карандаш. Написал: «Оружие отнято. Руки подняты». На следующей строке — имя Ларисы.

Мирон смотрел, как он пишет.

— Ты с ней ходил, да?

— Ходил.

— Я видел вас вместе. Просто не сразу вспомнил.

Вадим хотел сказать, что Ника могла не рассчитать удар. Не сказал. Он много раз видел, как она подтягивает чужую застёжку, передаёт человеку чашку, держит раненого, которому больно от любого прикосновения. Она умела рассчитывать силу.

— Что было потом?

Мирон придвинул сумку ближе.

— Потом мы сидели. Не все сразу. Механиков оставили внизу, Эмиля к рулю. Остальных в надстроечную кладовую, где раньше сухое снабжение держали. Там полки в два ряда, воздуха мало, но окно под потолком открывается. Нас двенадцать набилось. Семёна рядом уложили, в проходе, чтобы Лариса могла к нему ходить.

— Почему его не отпустили с вами?

— Лариса просила. И я просил, когда нас вывели. Берестова сказала: у него помощь есть, уйдёт вместе со всеми.

— Он мог сам идти?

— Тогда ещё мог. Медленно.

Мирон взял со стола хлеб, откусил и долго жевал. Вадим подождал. Крошки упали на рисунок; Мирон смахнул их ладонью.

— Семён всё время спрашивал, кому заплатят за выход, если нас держат, — сказал он. — Демьян ему ответил: тебе вообще лежать положено, чего считаешь. А Семён: я лёжа считать умею.

Он коротко улыбнулся, но Вадим не успел ответить.

— Я не знаю, как он сейчас.

Вадим записал имя раненого целиком.

Троих на отправку выбрал Демьян. Мирон слышал, как тот сказал, что накладные в море ему ни к чему: в кладовую уже сходили, припасы пересчитали. Вассу и Юрия он тоже отпустил, решив, что вахтам они не понадобятся. Их посадили в разъездной катер, забрали ножи и высадили у служебного причала. Дежурный на посту передал сообщение. До города они добирались на сборном рейсе: сначала ждали выхода, потом ещё весь следующий день заходили на чужие стоянки.

— Катер большой? — спросил Вадим.

Мирон показал руками ширину, потом махнул.

— Обычный, с закрытой рубкой. Там сухо сидели. На «Керне» ещё два бота штатных, одинаковых. Их не трогали.

— Всех можно в них увезти?

— В два — да. Если дадут спустить.

Он повернул рисунок и добавил проход вдоль надстройки. Вадим отметил, где была кладовая. Мирон сразу поправил: дверь с другой стороны, он рисовал от причала, а не от носа. Исправили вместе.

О нынешнем курсе «Керна» Мирон ничего не знал. Зато до захвата оформлял груз на Ломаную косу — уплотнения и сменную крыльчатку для местной насосной. Там же корабль должен был принять топливо.

— Они могли туда не пойти, — сказал он. — Но солярку где-нибудь брать надо. На дальний рейс у нас ещё не было.

Вадим подчеркнул название стоянки. Это было первое место, которое стоило проверить.

— Зоя Хромова там? — спросил он, сверяясь со списком.

— Там. Насосы её. Ещё Лариса, как я сказал. Эмиль. Денис — он сначала помогал Семёна нести, потом его к нам загнали. Ты всех запиши.

— У меня список.

Мирон взял его и прошёл пальцем сверху вниз, задерживаясь возле каждого имени. На одном остановился.

— Гринь через мягкий знак. Тут правильно.

Он вернул лист.

— Эмиль просил передать, что его ящик остался на ремонтной стоянке, под лестницей в мастерскую. Там машинка для волос. Пусть никто из ремонтных не заберёт. Он нам всем стрижки делает, хотя его никто не просит. Встанет на вахте сзади и смотрит, где у тебя криво.

Вадим едва улыбнулся.

— Передали?

— Ещё нет. Вспомнил сейчас.

— Передам.

Мирон отодвинул стул. Теперь, когда разговор кончался, он начал двигаться торопливее: сложил рисунок, тут же развернул, потому что лист нужно было оставить, взял сумку обеими руками.

— Фёдор ведь уже уходить собирался, — сказал он. — У него смена до восьми. Остался, потому что я с грузом возился.

Вадим посмотрел на написанное имя и на строки ниже. Хотел сказать что-нибудь про Фёдора, но ничего подходящего не нашёл.

— Спасибо, что рассказал.

Мирон кивнул, не глядя на него.

— Только если с «Керна» что узнаешь, сюда передай. Чтобы нам не по всему городу ходить.

Вадим обещал передать.

Когда Мирон вышел, он ещё немного посидел перед рисунком. До встречи ему казалось, что в рассказе обязательно найдётся неверно понятое движение. Теперь такого места не было. Оставался поступок, который совершила Ника, пока он занимался своими выходами, выбирал комнату, покупал доску для полки.

Он перечитал записи и не зачеркнул ничего.

* * *

У выхода Мирона остановила женщина в рабочем переднике. Позади неё стояла девочка лет двенадцати с коробкой под мышкой. Женщина держала Мирона за рукав и говорила тихо, быстро, не давая ответить.

Вадим хотел пройти, но Мирон заметил его.

— Вот он собирается идти. Рудин. Это сестра Дениса.

Женщина отпустила рукав.

— Собираетесь?

— Сегодня решаем, — ответил Вадим.

— Когда будет известно?

— К вечеру. У товарищества оставлю ответ.

Она посмотрела на него, потом на его бумаги. Девочка переставила коробку в другую руку.

— А ему передать можно? — спросила она.

— Что передать?

Девочка приподняла крышку. Внутри лежали маленькие металлические чашечки, выстроенные в два ряда, и лист с кривым рисунком.

— Он обещал мне сделать. Вот эти. Для рассады. Обещал к концу недели.

— Сейчас не надо, — сказала мать.

— Я знаю. Я показать.

Вадим присел, чтобы рассмотреть. У чашечек были одинаково неровные края; на одной он нащупал пальцем острый заусенец и отставил её отдельно.

— Сделал уже?

— Три. Остальные покупные, чтобы он видел размер. Он говорит, сам лучше сделает. А у самого то работа, то спит.

Девочка сказала это сердито и закрыла коробку.

— Скажи ему, чтоб покупал готовые, — вмешался Мирон. — Я ему который рейс говорю: время дороже.

— Он не покупает, — ответили мать и дочь почти одновременно.

На секунду все посмотрели друг на друга. Женщина провела ладонью по щеке и спросила Вадима:

— Вы их выведете?

Он поднялся.

— Я постараюсь. Пока даже не знаю, где корабль.

Она кивнула. Ответ ей не понравился, но другого она не потребовала.

— Сообщите сюда. Мы тут будем узнавать.

Вадим ещё раз показал девочке на отставленную чашечку.

— Край острый. Пусть тебе кто-нибудь сейчас загнёт.

— Я не маленькая.

— Вижу.

Она спрятала её вниз коробки, под рисунок.

* * *

К «Отливу» Вадим пришёл уже под вечер. На палубе лежали четыре спасательных жилета. Роберт вытягивал из рундука цепь; рядом на корточках сидела незнакомая женщина и перебирала звенья, отодвигая к ноге те, которые он уже осмотрел.

Ася встретила Вадима у трапа.

— Игнат приходил. Договор оставил. Если возьмём, дальнее сопровождение отдаём другим.

— На тот выход вы ещё не подписались?

— Нет. До завтрашнего утра ждали ответа.

Она кивнула на женщину с цепью.

— Кира Ельцова. Ходила наблюдателем на промысле, вахту держит. Роберт её знает.

Кира подняла голову. Волосы были коротко обрезаны, но одна прядь всё равно лезла в лицо; она убрала её тыльной стороной запястья, чтобы не испачкать щёку.

— Здравствуй, — сказала она. — Я была на «Керне» зимой. С Зоей две смены работала. А район знаю лучше, чем его нынешний курс.

Вадим поставил сумку и сел на край скамьи. Ася осталась стоять.

— Лапина убила она, — сказал он. — По словам Мирона. Он видел близко, после того как она отняла пистолет.

Роберт перестал выбирать цепь.

— И Семёна не отпустила. Раненого. Лариса с ним, но просила отправить его в город.

— Ты веришь Мирону? — спросила Ася.

— Да.

Сказать это вслух оказалось труднее, чем записать. Вадим достал рисунок и прижал его ладонью к скамье: от воды потянуло ветром.

— Вот что он помнит. Точное место неизвестно. На Ломаной косе они собирались брать топливо ещё до захвата. Начал бы там.

Кира подошла, опёрлась руками о край скамьи.

— Там есть внутренний проход. Раньше им пользовались, когда крупная рыба вставала снаружи. Но сколько сейчас воды, я не знаю.

Ася посмотрела на рисунок.

— До косы дневной переход. Выйдем со светом, придём до вечера. Заходить по старой памяти не буду.

— И не надо, — сказала Кира.

Вадим посмотрел на неё. Ему понравилось, что она не стала защищать свой проход.

Роберт убрал цепь, принёс из рубки договор и разложил рядом с рисунком. Все нижние углы были залиты чаем.

— Игнат остыл, пока ждал? — спросил Вадим.

— Это я, — сказала Ася. — Читай выше пятна. Главное цело.

Поправка о людях и корабле осталась. Ася успела договориться ещё и об отдельной выплате за живое задержание Ники; дни поиска и расход судна оплачивались независимо от этой суммы. Вадим прочёл новую строку и перевернул лист.

— Я готов.

— Я за, — сказал Роберт. — Вчетвером. Дни и расход подтверждаем по связи. Не через три недели вернёмся объяснять, сколько потратили.

Кира кивнула.

— Мне нужна обычная ставка, как договорились. И записи остаются у меня. Если увидим что-то на промысле, я передам на посты, не только Игнату.

— Передавай, — сказала Ася. — Вахта с Робертом, потом меняетесь со мной. Вадима на руле тоже оставим, когда не занят.

— Я попробую договориться с Никой о людях ещё до задержания, — сказал Вадим.

— Игнат уже предлагает ей деньги, — ответил Роберт.

— Игнату она не верит. А мне ответит. Можно хотя бы раненого вытащить, пока они считают доли.

— Ты так уверен? — спросила Ася.

— Да.

Она придвинула рисунок, ещё раз посмотрела на проход к кладовой.

— Пробуй. Но разговор на динамик. И о любой отдельной сделке с ней узнают все.

— Хорошо.

Ася подержала его взгляд, потом взяла договор.

— Тогда идём. С утра сообщу «Рубежу» направление. До косы — вместе, дальше решаем по тому, что узнаем.

Она подписала первой, подала лист Роберту. Кира дописала своё имя в строке экипажа. Вадим поставил подпись последним.

Пока Роберт собирал бумаги для Игната, Кира вернулась к раскрытому рундуку.

— Чистое где оставить?

— Под правой койкой, — сказала Ася. — Там сухо.

— А мокрое?

— Давай пока рассчитывать на сухое.

Кира усмехнулась и полезла за сумкой. Вадим помог ей убрать пустые мешки из-под койки. Кира поставила сумку, попробовала устроиться на тесном месте и сразу ударилась лбом о край верхней полки.

— С почином, — сказала она и села осторожнее.

Вадим вышел на палубу, когда над переходами уже зажгли лампы. Роберт ушёл в контору; Кира проверяла у себя в сумке бумаги. Ася стояла у кормы и смотрела, как соседний катер вытаскивают из тесного ряда.

— Про вечер я помню, — сказал Вадим.

Она обернулась.

— Я ещё ничего не назначила.

— Я предлагаю. Когда вернёмся.

— Если сразу не сбежишь на свою учебную палубу.

— Сразу — нет.

Ася подошла, встала рядом. За проходом кто-то звал ребёнка домой; тот отвечал сверху, и по дрожащему настилу прокатился быстрый топот.

— Тогда ты выбираешь место, — сказала она. — Только чтобы Роберт не сидел у соседнего окна.

Вадим засмеялся.

Она посмотрела на него и улыбнулась уже без слов. Ему хотелось задержаться, но Ася первой кивнула на город.

— Иди за вещами. Я ещё топливо приму.

В комнате было душно. Вадим открыл дверь, впустил сквозняк и достал сумку. На полке лежала раскрытая книга. Он заложил страницу квитанцией, но убирать книгу не стал.

Взял сухое бельё, сменные перчатки, осмотрел запасной наконечник. Потом вынул из кармана три листа, отдельно сложил список работников. Имя Мирона было отмечено. Пятнадцать строк оставались без отметок.

За стеной сосед громко обсуждал цену сахара с кем-то, кого Вадим не видел и ещё не знал по имени. Он постоял, слушая, как тот возмущается, и вдруг поймал себя на желании услышать этот же голос, когда вернётся.

Утренние вещи он оставил на стуле. Сумку поставил у двери.

Глава 4. Ломаная коса

К тому времени, как Вадим спустился на стоянку, Роберт успел снова запачкать чистую куртку.

Он сидел на корме, вытирал пальцы ветошью и смотрел на тёмный след возле кармана. На палубе ещё пахло топливом. Кира убирала шланг, а Ася в рубке прижимала к уху трубку.

— Бумаги отдал? — спросил Вадим.

Роберт достал из своей сумки конверт.

— Твоё жалованье. Если не хватит, сам поедешь просить. Я вчера до закрытия просидел.

— Спасибо.

— Ещё не за что. Это аванс.

Вадим убрал деньги к документам. Ася закончила передавать направление и протянула ему трубку: городской пост ещё не отключился. «Рубеж» получил их сообщение; патруль проверял южные стоянки и ждал известий о «Керне».

Вадим попросил связать его с мастерской на прежнем ремонтном причале. Там долго не могли понять, о каком ящике речь. Потом в трубке стало тихо, послышался скрежет, и мужчина сообщил, что нашёл машинку, две рубахи и чужую кружку.

— Подержите у себя. Хозяин вернётся — заберёт.

— Эмиль, что ли? — спросили на том конце. — Его кружка. Опять оставил.

Вадим подтвердил имя. Ящик обещали убрать наверх.

Когда он вышел из рубки, Ася уже стояла за штурвалом. Топливо приняли полностью; Роберт закрыл горловину и дал Кире конец. Она сняла его с причальной тумбы, выбрала на борт. Между катером и настилом появилась полоса воды.

Город ещё завтракал. Из открытых окон тянуло жареным луком, на верхнем переходе двое тащили длинную вывеску, зацепляясь ею за стойки. Вадим проводил взглядом ряд одинаковых дверей. Его комнаты отсюда видно не было.

За последним корпусом ветер ударил в лицо. «Отлив» поднял нос и пошёл к Ломаной косе.

* * *

Утром Кира пыталась писать стоя.

Она прижала тетрадь к крыше рубки, успела вывести несколько строк, потом катер перевалился через волну и карандаш прочертил весь лист. Кира посмотрела на него, на воду и села возле Роберта.

— Стол у вас хороший, — сказала она. — Только ездит.

Роберт подвинул свой свёрнутый плащ ей под локоть.

Вадим полежал внизу, но не заснул. Над головой скрипела подошва, временами менялся звук двигателя. Он слышал, как Ася попросила Киру сменить её; позже Ася спустилась сама, нашла кружку в рундуке, не зажигая света, и поднялась обратно. На городских выходах Вадим привык возвращаться к обеду. Теперь за кормой оставалась только вода.

Он вышел, когда солнце стояло высоко.

Океан был светлым, почти без тёмных пятен. Короткие волны рассыпались белыми краями; впереди они сливались в ровную рябь. Вадим постоял у борта, глядя в неё, и понял, что не может удержать взгляд на одном месте. Вода всё время предлагала другое движение. Пока он разбирал близкое, дальнее исчезало.

Косы ещё не было видно.

Почти весь день они ели по очереди, менялись у штурвала; Роберт успел поспать. Кира с носа показала на далёкий выступ, и Вадим сначала принял его за низкое облако.

Камень постепенно поднялся над водой. Узкая серая спина, на одном конце — сломанный зубец. Потом появились крыши.

У входа в стоянку рыба выпрыгивала из воды.

Она шла густо, сразу на большой площади. Мелкие серебряные тела вспыхивали и падали; между ними медленно разглаживались широкие полосы. Вадим перенёс короткий гарпун ближе к ноге. Кира перестала смотреть на крыши.

— Ася, левее входного знака. Далеко не все сверху.

Ася сбросила ход. Винт ещё толкал катер, но нос уже не взбирался на волну. Впереди приподнялся тёмный край с частыми складками, и Вадим увидел, как по нему скатывается вода. Край опустился. Второй вышел правее, так далеко, что сперва казался другой рыбой.

Между ними вода была гладкой.

— Один? — спросил Вадим.

— Этот — да, — ответила Кира. — Дальше ещё.

За первым телом повторилось то же движение. Оно было медленнее волн и не совпадало с их направлением. Складни кормились поперёк входа, медленно разворачивая широкие тела возле склона. Ни один не разворачивался к катеру.

Ася подала назад.

— Прямо не пойдём. Где начинается внутренний?

Кира показала на низкое плечо островка. Там вода темнела у самого камня, а дальше лежала жёлтая полоса мелководья.

— Между ними. Я здесь осенью проходила на лодке меньше нашей.

— Покажешь начало. Дальше промеряем.

Вадим ушёл на нос с мерным линём. Роберт остался с ним; Кира смотрела на кормящихся животных, пока Ася вела катер вдоль наружного края мелководья. Из города ответили на короткое сообщение о заходе. Местный пост подтвердил: с утра складни держались у входа, малые суда пропускали внутри, у серого камня. По вчерашним промерам глубины хватало для «Отлива».

Ася всё равно попросила Вадима проверить.

Он опускал груз и показывал рукой. На первом отрезке дна не было видно, потом внизу проступил песок, исчерченный тёмными полосами. Когда катер останавливался, Вадиму казалось, что песок продолжает плыть под ним.

Роберт подхватил линь, чтобы тот не ушёл под корпус.

— Ещё столько же до поворота, — сказала Кира с кормы.

За ней поднялась широкая серая дуга.

Она появилась без удара и почти без пены. Вадим видел её над Кириной головой, хотя животное оставалось снаружи прохода, за мелководьем. Один край уже погружался, другой продолжал подниматься. Потом всё исчезло.

— Кира, держись, — сказал он.

Вода подошла не сразу. Сначала «Отлив» словно стал ниже, и серый камень у носа показался выше прежнего. Затем катер подняло и развернуло кормой к мелководью. Кира села на палубу, ухватившись за стойку. Из рубки упала кружка.

Ася дала короткий ход. Нос пошёл к камню.

Вадим бросил мерный линь Роберту, схватил длинный отпорный шест. Его конец скользнул по мокрому склону и застрял в выемке. Вадим упёрся ногой в основание ограждения; дерево выгнулось, по ладоням пошла дрожь.

Он удержал расстояние, пока Ася отвела корму. Шест заскрипел. Вадим ослабил нажим, подался вперёд вместе с катером, потом толкнул ещё раз, коротко, всем телом. Камень медленно прошёл вдоль борта.

— Чисто, — сказал Роберт.

Ася выровняла ход. Вадим вытащил шест. На мокром дереве осталась светлая содранная полоса.

Кира поднялась сама и оглянулась.

— Не подходил к нам, — сказала она. — Повернул там же.

Вадим тоже посмотрел назад. На прежнем месте снова вспыхивала мелкая рыба. Видимых складчатых краёв больше не было, и от этого вход не казался свободнее.

До конца прохода они шли медленно. На повороте Вадим увидел ниже жёлтого склона вторую тень — или глубокую ложбину, которую пересекла рябь. Он задержал взгляд, но ничего не двигалось.

— Дно? — спросил он.

Кира посмотрела с другого борта.

— Не разберу.

Он дал следующий промер. Ася провела катер мимо.

* * *

Стоянка пряталась за камнем.

Снаружи Вадим видел три крыши; внутри оказалось больше десятка домов, тесно поставленных над водой и на склоне. Между ними поднимались ступени, местами вырубленные прямо в серой породе. Над топливными баками сушились простыни. У верхнего дома мальчишка сметал с порога мелкие камни и старательно отправлял их на дорожку к соседям.

Низкий причал был составлен из понтонов. Дальше, под складом, торчали старые сваи. Там стоял широкий грузовой катер, а к его борту прислонили снятый винт.

Человек в выгоревшей красной кепке махнул им с берега.

— К ближнему! Дальний не занимайте, туда с утра придут.

Ася подвела «Отлив» к свободной стороне. Роберт подал конец и остался на корме. Вадим перешёл на понтон с носовым; когда выбрал слабину, край намокшего линя ушёл под щель между двумя секциями.

Он опустил багор, чтобы подцепить его.

Из-под понтона ударило плоское тело. Багор дёрнулся в руке так, будто кто-то схватил его снизу; над водой на миг появилась широкая пасть, за ней — светлый глаз. Вадим отступил от края. На древке, выше железа, осталась содранная кора.

— Резуны! — крикнул человек в кепке. — Там под старым настилом. Руки не суй!

Вадим уже видел второго. Тот держался глубже, поворачиваясь возле свисающего линя.

Ася отвела нос на полшага. Верёвка натянулась и застряла под доской; выбрать её с катера не удалось. Роберт придерживал кормовой конец, не давая судну повернуться боком.

— Гарпун, — сказал Вадим Кире.

Она взяла короткий и подала ему рукоятью. Вадим положил багор поперёк щели, опустил конец в воду. Первый резун прошёл мимо и исчез. На мгновение показалось, что рыбы ушли.

Снизу снова ударило.

Вадим придавил багром голову к краю понтона и сразу ударил гарпуном. Тело забилось, хлестнуло по доске, облило ему ноги. Он выдернул наконечник и отбросил рыбу дальше от прохода. Вторая рванулась к ней; под водой появились ещё две короткие тени.

Вадим подцепил линь и выбрал его на настил.

— Сюда давай, — сказал хозяин, показывая на другое кольцо. — Через верх. Я эту щель сколько прошу закрыть.

— А табличку? — спросила Ася с катера.

Человек посмотрел на неё, потом на мокрую доску возле Вадимовых ног.

— Повешу.

Он помог закончить швартовку и сам принёс широкую планку из-под склада. Вадим придержал её, пока хозяин наживлял крепление. Кира на «Отливе» осмотрела конец; Роберт убрал в рундук надрезанную часть. Швартовка заняла ещё полчаса.

— Гордей, — представился хозяин, выпрямляясь. — Кто у вас платит?

Ася ступила на причал.

— Я. Нам место до утра, потом посмотрим. И поговорить о «Керне».

Гордей перестал собирать инструмент.

Он посмотрел на Вадима — на короткий гарпун, на мокрые штанины, потом выше, туда, где под рукавом оставались звёзды.

— Вы из Трёх Килей?

— Да.

— Про него только днём передали. Когда он тут стоял, я ничего не знал.

Ася достала карточку связи. Гордей прочёл её, не беря в руки.

— Людей ищем, — сказал Вадим. — Вы кого-нибудь видели с борта?

— Видел. Я сначала с постом поговорю. И вы у меня оружием не машите. Здесь дети везде.

Он наклонился, взял инструмент. Ася пошла с ним к конторе; Вадим, помедлив, последовал за ними.

Внутри пахло нагретой бумагой и луковой шелухой. В углу на перевёрнутом ведре лежала кошка. Гордей снял трубку, назвал себя, выслушал ответ и сообщил, что «Отлив» пришёл. Потом позвал их к столу.

Заход был записан двумя днями раньше. «Керн» принял небольшую партию топлива и ушёл после полудня. Гордей показал подпись, но фамилии Вадим не разобрал. Ники в конторе не было.

— Трюм им ещё поджимали, — сказал Гордей. — Рыбный. Снаружи. Откачку слышно было всю стоянку. Они просили человека вниз, я отказал: у меня сейчас некому. Своими делали.

— Отчего потекло?

— Мне не докладывали. Из трюма смывали рыбные остатки, вон до лестницы принесло. Я ещё ругался.

Вадим посмотрел на Асю. Она стояла у окна и слушала, прижав карточку пальцем к подоконнику.

— Кто топливо принимал? — спросил он.

Гордей перевернул страницу. Здесь почерк был другим, крупнее, и имя читалось без труда.

— Осип Братов. После корабля ещё раз приходил на чужой лодке. Забрал ещё несколько бочек. Утром вернётся Савва, он ту лодку лучше видел.

— А этот Осип?

— За следующей партией должен явиться послезавтра утром. Раньше нечего выдавать, цистерну только завтра привезут.

За окном мальчишка вновь взялся за метлу. Теперь он поднимался по ступеням, возвращая камни наверх: кто-то всё-таки заставил.

— Я вам покажу записи, — сказал Гордей. — С постом тоже договоримся. Но стрельбу мне здесь не устраивайте. Мне потом тут жить.

Ася убрала карточку.
— Сначала посмотрим, где вы принимаете груз.
Гордей прикрыл книгу пальцем, чтобы не потерять страницу, и кивнул на дверь.

Глава 5. Чужой расчёт

Савва вернулся с ночного лова сердитым.

Рыбы было много, а льда осталось мало. Он стоял в лодке по колено между ящиками и ругался с Гордеем, который предложил ему полчаса подождать. На причале Саввин внук пересыпал улов в корзины. Несколько рыб выскользнули на доски; мальчик без спешки загнал их босой ногой в угол и поймал одну за другой.

Накануне Гордей показал им дальнюю топливную площадку, но назвать лодочника не смог. Вадим с Кирой подождали, пока он уйдёт. Савва сам показал им на свободную корзину.

— Возьми. Синюю не надо, у неё ручка сломана.

Вадим подал белую. Они выгрузили последние ящики, и Савва наконец выбрался на причал. Он был невысоким, сухим; даже стоя на месте, чуть наклонялся вперёд, будто привычно ждал тяжести в руках.

— Вы про «Керн», — сказал он. — Гордей вчера передавал.

— Про человека, который забирал топливо. Осип Братов.

— Знаю. Сначала с ними пришёл, потом на лодке. Лодочник другой. Наш, из Садового.

— Когда потом?

— На другое утро.

Вадим уточнил, не в день ли захода. Савва показал на дальнюю сторону стоянки.

— Я в море уходил — они ещё здесь были. На другое утро вернулся — корабля нет, Осип у бочек. А Гордей с сыном цистерну таскал, он его уже после увидел. Спроси у него про цистерну.

Кира отметила что-то в тетради.

— Лодочник как выглядел?

— Молодой. Зуба переднего нет. Я ему ещё говорил: поставь, чего свистишь. Он говорит, денег не хватает. А сам всё на мотор тратит.

Савва подозвал внука, велел отнести корзины к холодильнику и не оставлять на солнце. Тот с явным облегчением потащил первую: возле взрослых разговаривать было скучно.

— Ника с ним приходила? — спросил Вадим.

— На корабле была. Потом не видел.

— А кого из работников?

Савва посмотрел на Киру. Та не подняла головы от листа.

— Зою видел. Она спустилась за водой. Не за водой даже, за ведром — своё уронили. Я вынес. Так этот встал на сходню, пистолет ей под ноги наставил. «Назад», говорит. Я ему: она ко мне. А он мне: поставь, сами заберём.

— Осип?

— Он. На руке синяя нитка. И палец не сгибается, вот этот. Когда деньги считает, видно.

Савва выпрямил указательный, попробовал взять им край куртки.

— Я думал, они разругались на борту. С промысла приходят — всякое бывает. Но ведро мне потом вернул другой. Зоя больше не сходила.

Кира перестала писать.

— Она вам что-нибудь сказала?

— «Спасибо, Савва». Всё. Я тогда не понял.

Он провёл рукой по лицу, размазав рыбную чешую возле виска. Вадим не стал повторять вопрос.

Из дома над причалом вышла женщина с пустой кастрюлей. Савва крикнул ей про лёд, но она только махнула рукой: уже знала. Окно её дома выходило прямо на топливную площадку. Оттуда был виден конец причала и ступени, по которым покупатель поднимался к складу.

Вадим задержался взглядом на окне.

— Нет, — сказал Савва.

— Я ещё не спросил.

— А я уже ответил. Он туда каждую ходку смотрит. Раньше у нас чай пил. Не будет у меня в доме человек с гарпуном сидеть, чтобы потом вся коса знала, откуда вылез.

Вадим подошёл к нижней ступени. Между домом и складом оставался узкий ход; из окна до площадки было совсем близко. Можно было дождаться, пока Осип положит документы, и выйти ему за спину.

— Он держит людей на корабле, — сказал Вадим.

— Забирай его, — Савва опустил голос. — Только вы завтра уйдёте, а у меня внук здесь бегает. И дочка. Осип один? Или ещё кто придёт?

Женщина остановилась на верхней ступени. Теперь она смотрела на Вадима.

— Через наш дом не пойдёте, — сказала она. — И на крыше не сидите. Что у Гордея на причале — пусть Гордей и решает.

Вадим посмотрел вдоль склада. Под переходом оставался короткий просвет над водой, с открытой стороны туда падал свет.

— Хорошо. Дом не тронем. Утром, когда он придёт, вам лучше уйти наверх.

— К сестре сходим, — сказал Савва женщине. — Там поедим.

Она кивнула и пошла за внуком.

Вадим спросил, повторит ли Савва рассказ человеку с поста. Тот согласился, но заставил сначала дождаться Гордея: рыбу всё ещё не убрали в холод. Они перенесли корзины, и только потом Савва отвёл их в сторону от работающих людей.

— Ника нас с сыном отсюда сняла, когда мост сорвало, — сказал он. — Три года назад. Сын под брёвнами был. Мы тогда полдома потеряли. Я ей не платил, нечем было.

Он говорил Вадиму, а смотрел на собственный дом.

— Я знаю её давно, — ответил Вадим.

— Вот и я знаю. С поста передали, что человека убила. Я не видел. Про Осипа видел, повторю.

— Повтори про Осипа старшему. Остальное я слышал.

Савва кивнул, будто условие сделки наконец устроило обе стороны, и пошёл искать Гордея.

Кира закрыла тетрадь. По её лицу Вадим не понял, что она думает о Нике. Спрашивать не хотелось. Он посмотрел на свободное окно, затем спустился к воде осмотреть другой путь.

* * *

После обеда Ася исчезла с катера.

Роберт показал вверх, на камень за домами. Вадим взял чистую рубаху, которую оставил сушиться на ограждении, и пошёл по ступеням. Ему давно не приходилось так высоко поднимать ноги, не придерживаясь за поручень. На двух последних ступенях он всё-таки коснулся ладонью тёплой стены.

Ася сидела на плоском уступе, сняв ботинки. Носки сохли рядом. Она грела босые ступни на камне и глядела на наружную воду; со стоянки отсюда доносились голоса, но самих людей не было видно.

— Я думал, ты спишь, — сказал Вадим.

— Хотела. Там Роберт котелок отмывает. Уже полчаса. Ужасно совестливый человек, когда ему нечего делать.

Она поджала ноги, освобождая место. Вадим сел, расстелив рубаху под спиной.

— Зря, — сказала Ася. — Испачкаешь.

— С другой стороны чистая.

— Ну да.

Она улыбнулась, закрыла глаза. Вадим тоже попробовал устроиться полулёжа, но край уступа упирался в поясницу. Он сдвинулся, потом ещё. Ася молча подвинула к нему свой свёрнутый пояс.

— Теперь я всем должен, — сказал он.

— Мне пока мало. Можешь не беспокоиться.

Ветер тронул её волосы. На переносице краснел след от солнца; Вадим раньше не замечал, что одна бровь у неё светлее другой. Он повернулся к воде, пока она не открыла глаза.

За каменным плечом всплывали складчатые края. Отсюда, сверху, иногда удавалось увидеть целиком тёмное пятно под ними. Оно медленно смещалось среди светлых полос.

— Ты так и будешь на работу смотреть? — спросила Ася.

— Ты первая сюда села.

— Я на синее смотрю.

Вадим засмеялся. Ася повернула голову; улыбка у неё появилась не сразу, и несколько секунд он разглядывал её открыто.

— Что?

— Ничего.

— Неправда.

Он потянулся, снял с её волос тонкую сухую травинку. Ася поймала его за запястье.

— Убедительно, — сказала она.

Он показал травинку. Она фыркнула, но руку отпустила не сразу. Пальцы были тёплыми. Вадим почувствовал, как сильно хочется приблизиться; вместо этого повернул ладонь и коротко сжал её пальцы. Ася посмотрела на их руки, потом на него.

Снизу позвали Гордея. Кто-то ответил, что он ест. Голоса замолкли.

Они ещё посидели рядом. Вадим рассказал, как в новой комнате два дня выбирал место для полки и всё равно поставил её так, что дверь задевала угол. Ася начала смеяться раньше, чем он дошёл до того, как отпиливал край.

— Знала бы, сама пришла посмотреть.

— Полка на месте.

— А дверь?

Он толкнул её плечом. Она толкнула в ответ, сильнее, чем он ожидал, и Вадим ухватился за камень, чтобы не съехать.

К назначенному часу Ася обулась. Вадим подал ей пояс и поднял рубаху. На спине осталось серое пятно.

Ася ничего не сказала, только провела по нему ладонью. Пыль поднялась в солнце. Он стоял чуть ближе, чем требовалось, пока она не закончила.

* * *

Старший местного поста приехал на велосипеде без одной педали.

Он оставил его у склада, выслушал Савву и сверил рассказ с сообщением из Трёх Килей. Больше времени ушло на людей, которых старший отсылал от дверей: всем хотелось узнать, за кем приехали.

— Шуметь заранее не будем, — сказал он. — Я останусь у Гордея, второй — у дороги. Вы придержите Осипа, мы заберём. С оружием и бумагами.

— В дом Саввы не заходим, — сказал Вадим.

— Он и мне сказал. Под низом полезешь?

Они вышли к переходу. Вадим уже осмотрел воду с фонарём и прошёл часть просвета, держась за край. От места, где вчера ударили резуны, его отделяли склад, две секции причала и полоса открытой воды. Под настилом было светло, дно просматривалось до камня. Вадим показал Роберту короткий путь между сваями: где войдёт и где поднимется.

Старший покачал головой.

— Я бы лучше за дверью постоял.

— Он сначала в неё и посмотрит.

Роберт присел на неподвижный каменный край, попробовал подать линь под переход. Конец вышел возле ступеней. Отсюда он мог страховать Вадима и видеть его руку. «Отлив» оставался свободным: Ася собиралась держать катер снаружи топливной площадки, чтобы Осип не успел вернуться в лодку. Кира будет у неё на корме.

— Подход утром ещё посмотрю, — сказал Вадим. — Если вода мутная, полезу сверху.

— Тогда сразу скажи, — ответила Ася. — Чтобы я не ждала тебя там, где тебя нет.

Она провела ладонью по поручню и ушла с Гордеем к баку. Они обсуждали, можно ли на время задержать обычную погрузку. Гордей согласился убрать лишние тележки, но совсем закрывать причал не хотел: покупатель с воды заметит пустую площадку.

У складской двери Вадиму передали сообщение Игната.

Товарищество выделило часть долга. Переданное через пост предложение Ника отвергла: требовала полного расчёта до освобождения работников. Отказ передал её человек; имени Игнат не указал.

Вадим перечитал строку о Семёне: ответа на просьбу отпустить его не было.

Он попросил старшего передать в городской медпост, что заход «Керна» подтверждён и они продолжают поиск. Про завтрашнее задержание в сообщении для семей не написал.

Гордей вернулся с Асей и показал Вадиму два листа. На накладной стояли фамилия Осипа и отметка об оплате.

— Остаток той же покупки, — сказал он. — Часть забрал, остальное завтра. Другому не выдам. Возьмёте его — пост опечатает груз.

— Ещё у тебя возьмут? — спросила Ася.

— За деньги бы выдал, да свободного уже нет. Круглый бак согласен дать в долг. Я туда их заявку передал.

На втором листе были условия нового кредита: топливо под разъездной катер Ники. Ей предстояло самой привести судно и подтвердить залог. Осипова накладная годилась только для оплаченных бочек.

— Туда про захват сообщили? — спросил Вадим.

— Сообщили, — ответил старший. — Но они нашему караулу не подчиняются. Сказали, что смотрят бумаги.

Ася вернула листы Гордею. Вадим ещё раз посмотрел на фамилию Осипа. До утра они могли только ждать.

Кира поднялась на катер первой и легла, не разуваясь, поперёк свободной койки. Роберт сказал ей подвинуть ноги, чтобы пройти, и принёс свой плащ. На этот раз подложил ей под голову.

Вечером на косе зажгли три фонаря. Савва с дочерью ещё долго разбирали улов возле холодильника. Внук сидел на перевёрнутой корзине и клевал носом; когда его отправили домой, он побежал по ступеням, сразу проснувшись.

Вадим дождался, пока за ним закрылась дверь. Потом спустился в катер на свою очередь сна.

Глава 6. Короткий конец

У Саввы были закрыты ставни.

Вадим видел, как он увёл дочь с внуком наверх. Мальчик тащил узел с хлебом и всё оглядывался на причал; Савва один раз взял его за плечо, повернул и подтолкнул к ступеням. На площадке остались Гордей и двое грузчиков. Они готовили пустую тележку. Оба знали, что по знаку Гордея надо оставить всё и уйти за складскую дверь; Вадим видел, как старший показал им место. Сам Гордей вызвался принять накладную.

«Отлив» стоял снаружи, возле свободного края. Вадим ещё раз спустился по камню и осмотрел просвет под переходом. Вода успокоилась за ночь. В щелях светились узкие полосы; под ними шевелились мелкие прозрачные рыбки. Крупных тел не было видно.

Он вернулся к Роберту, выбрал из двух приготовленных масок свою, надел на лоб и проверил, свободно ли выходит короткий гарпун. Древко мешало бы разворачиваться между сваями, поэтому он оставил оружие у самого выхода, под ступенями, куда дотягивался с воды. Роберт молча подал ему страховочный пояс.

Вадим застегнул его и сел за углом склада. Отсюда он видел подходящие лодки через просвет между бочкой и поручнем. Дальше по причалу старший поста разговаривал с Гордеем; второй караульный ушёл к дороге, где начинались ступени между домами.

Первой пришла широкая рыбацкая лодка. Её пропустили к внутреннему понтону. Потом с моря вернулся человек на узком катере с открытым двигателем. Он заглушил его далеко от берега и последние метры прошёл на весле. Вадим слышал, как Гордей крикнул ему что-то про масло.

Осип появился, когда солнечная полоса доползла до Вадимовых ботинок.

Он сидел впереди лодочника, боком, придерживая ладонью плоскую сумку. Обычный плотный мужчина, без видимых звёзд. Куртка была застёгнута, хотя утро уже прогрелось. Он посмотрел на «Отлив», задержал взгляд на Асиной рубке, потом повернулся к причалу.

Лодочник заговорил первым. Когда он улыбнулся Гордею, Вадим увидел тёмный промежуток на месте переднего зуба.

Осип поднялся на низкую площадку у ступеней. Взял с лодки сумку, перекинул через плечо. Правая рука осталась возле расстёгнутого края куртки; на левой синела нитка. Указательный палец торчал прямее остальных.

Гордей вышел к нему навстречу.

— Бумагу принёс?

— А вы топливо?

— Сначала бумагу. Прошлый раз до ночи фамилию разбирали.

Осип полез в сумку.

Вадим опустил маску на лицо и спустился в воду.

Сразу стало холодно под мышками. Он подтянул ноги, оттолкнулся от камня и ушёл под низкий настил. За спиной вытянулся линь. Доски закрыли небо; свет остался слева, между сваями, и впереди, возле ступеней.

Ему пришлось проплыть всего несколько гребков. Вадим чувствовал близость нижних поперечин затылком, хотя ещё не коснулся ни одной. Он развернулся боком у последней сваи, осторожно поднял лицо. Между водой и досками хватало места для рта. Воздух пах сырой древесиной и топливом.

Наверху прошли ноги.

— Вот сумма, — сказал Осип. — И печать. Наливайте.

Вадим взялся за опору ступеней. Роберт держал линь без натяжения. Через щель сбоку было видно низкую площадку, нос лодки и чужую руку на поручне.

Он подал условленный знак по линю. Подождал, пока Роберт ответит, затем освободил пояс и оставил его висеть на конце. Теперь между ним и берегом ничего не тянулось.

Старший поста заговорил почти сразу.

— Осип Братов?

— Чего?

— Пройдёмте в контору. Из Трёх Килей запрос о «Керне». Надо ваши показания записать.

Наверху стихли шаги.

— Я здесь топливо беру. Куда вам пройти?

— Сумку положите, пожалуйста. И руку от куртки.

Вадим потянулся к гарпуну под ступенями.

Выстрел оглушил его.

Вода возле щеки дрогнула от звука, сверху что-то упало. Вадим не видел, в кого стрелял Осип. Он втиснулся ближе к опоре, поднял голову выше, и над самым лицом застучали подошвы. Осип бежал обратно к лодке.

— Назад! — крикнул кто-то на причале.

Ася дала ход.

Вадим увидел через просвет, как между лодкой и ступенями прошёл нос «Отлива». Лодочник отпустил конец, торопливо оттолкнулся от площадки. Двигатель взревел; лодка отошла, оставляя Осипа на ступенях.

Тот выругался и поднял пистолет в сторону рубки.

Вадим ударил его древком по руке.

Осип резко отшатнулся, плечом врезался в поручень. Второй выстрел ушёл вниз. Вадим почувствовал на щеке удар воды и отпрянул под доски; от близкого хлопка в ухе звенело. Сквозь маску он увидел только светлые пузырьки.

Когда он снова поднялся, рука с пистолетом исчезла из просвета.

Осип пошёл вверх.

Вадим положил гарпун под нижнюю ступень, опёрся на край обеими руками и выбрался на площадку. Вода с одежды стекала на доски, подошвы скользнули, но он успел встать прежде, чем Осип добрался до верха.

— Пистолет брось!

Осип обернулся. Правая рука висела согнутой; пистолет он успел переложить в левую. Дёрнулся ствол, и Вадим ушёл в сторону, за толстую стойку.

Выстрела не было.

Наверху кто-то взвизгнул. Вадим выглянул и увидел, что Осип ухватил Гордея за ворот, притянул к себе. Гордей прижимал к груди листок с накладной, словно всё ещё собирался её вернуть.

— Отпусти его, — сказал старший поста.

Он стоял за складской дверью. Один грузчик лежал возле тележки, второй прижался к бочкам. Вадим не мог понять, ранен ли тот, который лежал. Лодочник попытался вернуться к ступеням с другой стороны. Кира на корме «Отлива» оттолкнула его нос багром, и он дёрнул руль. За Кирой мелькнул пустой борт. Лодочник уходил вдоль внешнего края стоянки.

— Катер сюда! — крикнул Осип. — Назад давай!

Ася не двинулась.

Осип поставил Гордея перед собой и начал спускаться. Пистолет он держал возле его плеча, направляя попеременно на склад и на «Отлив». Прямой указательный палец неловко лежал сбоку; Осип прижимал спуск другим. Вадим видел, как ходит его грудь под курткой.

— Слезай с катера! — Он кричал Асе. — Все слезайте!

— Здесь четверо, — ответила она. — Сразу не выйдем.

На катере оставались двое. Ася говорила из-за края рубки, не показываясь целиком, и Осип повернул туда голову. Вадим оставался ниже, у наружной стойки ступеней. До ноги Осипа было два шага вверх, но между ними теснился Гордей.

— Я дам тебе лодку, — сказал старший. — Поговорим.

— Сунься, и поговоришь.

Гордей попробовал переставить ногу. Осип дёрнул его назад, и тот едва не сел на ступень.

Вадим поднял руки так, чтобы их было видно.

— Осип. Ему вниз не пройти. Пусти первым.

Осип посмотрел на него. Теперь Вадим видел лицо вблизи: пот над верхней губой, красную полоску на щеке. Мужчина втянул воздух через рот и крепче сжал куртку Гордея.

— Отойди. Назад в воду.

Вадим сделал шаг к краю. Доска под пяткой прогнулась. Он смотрел на левую кисть, стараясь не поворачивать к ней лицо.

— Назад, я сказал!

Осип толкнул Гордея ниже.

Тот зацепился носком, упал на колено и невольно потянул за собой державшую его руку. Ствол поднялся над его плечом.

Вадим шагнул вверх.

Он перехватил кисть и прижал её к стойке. Осип попытался вывернуться, ударил его лбом в маску, но Вадим уже стянул его на нижнюю ступень. Стекло треснуло у края. Гордей отполз вверх на руках, прижимаясь грудью к доскам.

Осип рванулся всем телом.

Вадим удержал его одной рукой. Второй оторвал пальцы от рукояти; пистолет упал возле ноги. Он отшвырнул его на площадку и развернул Осипа лицом к ступеням. Всё произошло тесно, почти без места для удара. Куртка на спине натянулась, разошёлся шов.

— Всё, — сказал Вадим. — Лежи.

Осип ещё пытался подтянуть колено под себя. Вадим прижал его плечо. Старший поста спустился к ним с ремнями, а Роберт появился у верхнего поручня. Он поднял пистолет, держа за рукоять, и отошёл к складу.

Гордей сидел на верхней ступени. Красная кепка валялась внизу, в воде; он смотрел на неё, задыхаясь, и держал ладонь у шеи. Накладная осталась у него в другой руке.

— Грузчик? — спросил Вадим.

— Цел, — ответил старший. — Оба. Первый выстрел в дверь попал.

Осип поднял лицо от ступени.

— Руку сломал, сука.

— Дадут осмотреть, — сказал старший. — Вставай.

Вадим помог удержать его на ногах. Только теперь он увидел, что маска сползла на одну сторону. Снял её, провёл ладонью по лицу. На пальцах осталась кровь из короткой царапины у брови. В ухе переставало звенеть.

Ася отвела «Отлив» обратно к свободному краю. Кира выбрала багор и подала Роберту конец. Лодки беззубого перевозчика уже не было видно за складом.

— Ушёл, — сказала она.

— Видела куда?

— Наружным. Без бочек.

Вадим посмотрел на Асю. Она стояла у открытого окна рубки, губы были плотно сжаты. Он показал ей пустую ладонь: оружие у караула. Ася кивнула, отвернулась к штурвалу и подвела корму ближе.

* * *

Осипа отвели в контору. Второй караульный вернулся с дороги и встал у двери, а старший переписал документы из сумки. Связной сидел на стуле, положив повреждённую руку на сложенную куртку. Гордей принёс холодную бутылку и поставил перед ним так резко, что вода выплеснулась на стол.

— На руку, — сказал он. — Пить потом.

Вадим нашёл кепку багром, прополоскал в чистой воде и повесил возле двери. На причале подбирали рассыпавшиеся бумаги. Один грузчик показывал другому след пули; второй велел отойти от стены, будто от неё ещё можно было чего-нибудь ждать.

В конторе Осип сперва отвечал только старшему. Сказал, что берёт оплаченный груз и о чужих делах ничего не знает. Потом Гордей напомнил ему про ведро и Зою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.